

**Тенденции развития правовой культуры российских мусульман
(XIX – начало XX вв.)**

Гафаров Анвар Айратович – кандидат исторических наук, доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет, доцент кафедры политической истории.

Набиев Ринат Ахметгалиевич – доктор исторических наук, профессор, Казанский (Приволжский) федеральный университет, профессор, заведующий кафедрой политической истории.

Аннотация. Данная статья посвящена изучению проблем обновления правовой культуры мусульман Российской империи (XIX – начало XX вв.). В результате анализа авторы пришли к выводу о важной роли в этом процессе российской правовой аккультурации. Вместе с тем было выявлено, что правовая культура мусульман обладала определённой устойчивостью, а также потенциалом адаптации и развития.

Summary. This article is devoted to studying the problems of reform of the legal culture of Muslims of the Russian Empire (XIX - early XX centuries.). As a result of the analysis authors came to conclusions about the important role of the Russian legal acculturation. However, it was found that the legal culture of the Muslims possessed a certain stability, as well as the potential of adaptation and development.

После краха античной цивилизации центр развития мировой культуры переместился в страны мусульманского Востока. В течение шести столетий (с VIII по XIII вв.) здесь созидалась блистательная цивилизация, достигшая выдающихся результатов во всех областях человеческой деятельности (политике, экономике, науке и искусстве). Вместе с тем арабо-мусульманский мир выработал самобытную правовую систему, неразрывно связанную с канонами религиозного мировосприятия. Мусульманское право (шариат и фикх)¹, основанное на Коране и сунне, представляет собой совокупность норм и предписаний, детально регламентирующих все стороны жизни мусульманской общины (уммы). Мусульманские учёные первыми дифференцировали право как самостоятельную науку, разрабатывали концепции межнационального

¹ Шариат – учение об исламском образе жизни, комплекс предписаний, являющийся источником конкретных норм, регулирующих поведение мусульман. Фикх – юриспруденция, «выступает нормативной интерпретацией положений шариата». См.: Ислам: Энциклопедический словарь. – М., 1991. – 292-294.

права, а также внесли большой вклад в развитие сравнительного права. Мединская конституция (622) признаётся едва ли не одним из первых документов этого рода¹.

Однако позитивное развитие правовой культуры мусульман было приостановлено кризисом мусульманской цивилизации. Сложившаяся ситуация во многом была связана с особой ролью ислама в традиционном мусульманском обществе. Любая инновация воспринималась через призму соответствия религиозным канонам и нуждалась в санкции улемов². Однако возможности интерпретации источников права на предмет соответствия были существенно сужены, вследствие того, что в XII в. «врата иджихада³ были закрыты». К этому периоду завершилось формирование основных религиозно-правовых школ (мазхабов), сложились принципы ислама как идеологии и теории общественного устройства. «Дальнейшая их разработка прекратилась, ...уточнялись отдельные второстепенные вопросы, переписывались и комментировались сочинения предшественников, богословский авторитет которых считался незыблемым»⁴.

Наступила эпоха таклида – подражания и следования традиции⁵. В результате даже самые независимые умы считали «непозволительным обсуждать или оспаривать начала шариата», утверждая, что «эти начала суть вещи божественные, находящиеся выше человеческого разума, а поэтому их следует признавать, хотя причины их неизвестны»⁶. Шариат провозглашался как «вечное и неизменное» божественное установление. В результате положения мусульманского права, относящиеся к религиозным обязанностям людей («вечные и неизменные»), законсервировали, в том числе отрасли права, связанные с изменчивыми общественными нормами. По выражению Торнау Н.Н.: «собственно законодательной деятельности не существует более в мусульманских государствах»⁷. Однако, несмотря на ограничения, рациональные традиции эпохи мусульманского ренессанса продолжали жить. Они стали ин-

¹ Мухаммад Хамидуллах. Ислам. – М., 2008. – С. 223-224.

² Улемы – общее название знатоков богословия, историко-религиозного предания и этико-правовых норм ислама. Шейх-уль-ислам – высшее должностное лицо в данной иерархии, обладающее правом применять религиозные нормы к новым, ранее не трактовавшимся случаям.

³ Иджтихад - право мусульманского правоведа (факиха) выносить решение по важным вопросам религиозной и общественной жизни на основе Корана и сунны, руководствуясь иджмой (согласным мнением авторитетов общины) и методом кияс (суждением по аналогии).

⁴ Ислам. Энциклопедический словарь... – С. 92.

⁵ Таклид – следование авторитету муджтахидов (основателя мазхаба) по общественно-правовым вопросам жизни мусульман.

⁶ Аверроэс (Ибн Рушд). Опровержение опровержения. – Киев, 1999. – С. 453.

⁷ Торнау Н.Е. Особенности мусульманского права. – СПб., 1892. – С. 7.

теллектуальным фундаментом восприятия и генерации идей реформаторов Нового времени, стремившихся возродить былое величие мусульманского мира.

По мере отставания от динамично развивающейся Европы большинство стран мусульманского Востока превратились в колонии и полукolonии Великобритании, Франции и России. Начиная с середины XVI в., стремительно растущее Московское царство в ходе кровопролитных войн «поглотило» Казанское (1552), Астраханское (1556), Сибирское (1581-1598), Крымское (1783) ханства. Ногайской Орде, а впоследствии и казахским жузам пришлось признать вассальную зависимость от России. В XIX в. был присоединён Кавказ, а также среднеазиатские ханства. Российская колониальная политика носила ярко выраженный конфессиональный характер, была направлена, прежде всего, на христианизацию завоёванных территорий. В результате были ликвидированы не только многие традиционные общественно-политические, но и религиозные институты. Со временем практически все сферы жизни мусульманского общества подпали под действие общероссийских законов. Исключение составила область семейно-брачных отношений, где допускалось применение норм мусульманского права. Если колониальное проникновение Запада в мусульманские страны привело лишь к трансформации традиционных исламских институтов, то в России они в значительной степени были уничтожены¹.

Таким образом, изначальные предпосылки правовой аккультурации российских мусульман складывались в определенном контексте исторического развития и ни в одной стране они не проявились столь значимо как в Российской империи. Однако, масштабное продвижение России на Восток неуклонно усиливало самостоятельность элементов мусульманской культуры в колониальных окраинах. Неслучайно в практической жизни многие вопросы, не выходящие за пределы мусульманской общины, по-прежнему решались по шариату или адату (обычному праву). В результате судопроизводство в отношении мусульман в некоторых регионах страны предусматривало наличие судов различных правовых систем. Например, в Средней Азии наряду с государственными судами по Положениям об управлении Туркестанским краем (1867, 1886), а также Степными областями (1868, 1891) существова-

¹ Ислам на Европейском Востоке: Энциклопедический словарь. – Казань, 2004. - С. 135.

ли, так называемые, народные суды (кадиев и биев), «разрешающие подсудные им дела¹ на основании существующих в каждой из означенных частей населения обычаев»². Суд кадиев рассматривал дела оседлых туземцев, исходя из положений шариата. Споры кочевников относились к ведению суда биев и судились по адату. На Кавказе с 1870 г. в соответствии с указом Сената (1869) учреждались Горские словесные суды³, которые также судили подобным образом. Даже там, где не создавались особые суды, дела инородцев разбирались их внутренними управлениями (в Сибири, Астраханской, Ставропольской губ.) «на основании их обычаев и обрядов»⁴. Примечательно, при переносе разбирательства в мировые и общие судебные установления «решения по сим делам основываются на степных законах и обычаях инородцев»⁵. Такое положение расценивалось имперской властью как терпимое, отражающее реальную культурно-правовую ситуацию в среде мусульманского населения.

Очевидно, что восприятие европейских правовых норм российскими мусульманами осложнялось глубоко укоренившимися религиозно-правовыми традициями. Не в последнюю очередь косность правовой культуры российских мусульман была также связана с социокультурным изоляционизмом (продиктованным эксцессами государственной этноконфессиональной политики). Верховенство общероссийских государственных законов воспринималось как наступление на религиозные ценности. Однако сложившаяся общественно-политическая ситуация и окружающая социокультурная среда неизбежно подталкивали мусульман к поиску приемлемых форм интеграции, сохраняющих основы этнокультурной идентичности. Постепенное вовлечение мусульманского населения (прежде всего поволжских татар) во все сферы общероссийской жизни привело к постановке задач религиозно-правовой реформы, адаптации религиозных норм к духу и потребностям времени.

Главной проблемой модернизации мусульманского общества стала задача «открытия врат абсолютного иджтихада», допускавшего вынесение факихом самостоятельного решения по вопросам общественно-правовой жизни мусульман. На

¹ Из компетенции народных судов исключались дела, связанные с тяжкими преступлениями (против христианской веры, русского населения, государственные, убийство, изнасилование, поджог и т.д.).

² Свод Законов Российской Империи. В пяти книгах. Книга первая. Томы I-III. Т. II. – СПб., 1912. – С. 420.

³ Учреждение Управления Кавказского края // Свод Законов Российской Империи... – С. 401.

⁴ Положение об инородцах // Свод Законов Российской Империи... – С. 558.

⁵ Там же.

практике основной вопрос сводился к определению степени буквального толкования основных источников права (Корана и сунны), применимости традиционных предписаний к конкретной исторической ситуации. Наиболее ранние концепции религиозного обновления и адаптации к местным условиям проявились в Индии: в трудах С. Мухаммада (XV в.), А. Фазла (XVI в.), Ш. Валиуллы (1703–1762) и др. Во второй половине XVIII в. в трудах йеменских учёных, М. ал-Муртада (ум. 1790), а впоследствии М. аш-Шавкани (ум. 1834) был, также, выдвинут лозунг «открытия врат иджтихада»¹. «Его последователи объявили его одним из «абсолютных муджтахидов»². Четырёхтомный труд Шавкани «Фатх ал-кадир» («Откровение Всемогущего») был известен и в Поволжье. Во всяком случае, Ш. Марджани в путевых заметках о посещении Стамбула отмечал, что в ходе многочисленных встреч речь заходила, в том числе и о Шавкани³.

Среднеазиатские научные центры в этом отношении также не были исключением. Литература и господствовавшие там идеи по каналам традиционных связей проникали в Среднее Поволжье. В Бухаре, Самарканде обучались выдающиеся реформаторы из России: А. Утыз-Имяни, А. Курсави, Ш. Марджани, Г. Баруди и др. В сочинении «ал-Иршад ли-л-ибад» («Книга о наставлении людям») Курсави (1776-1812) писал: «Знай, что обязанность каждого прилагать усилия в поиске правильности (саваб) по мере своих сил; и кто способен на абсолютный иджтихад (иджтихад мутлак) – надлежит ему иджтихад мутлак; и кто способен на иджтихад в рамках мазхаба (ижтихад фи-л-мазхаб) – надлежит ему иджтихад фи-л-мазхаб; а тот кто не способен на иджтихад в вопросах шариата - принуждается к таклиду»⁴. Таким образом, иджтихад, с точки зрения Курсави является не только привилегией, но обязанностью каждого образованного мусульманина.

Труды Курсави оказали глубокое воздействие на становление мировоззрения других будущих идеологов мусульманского модернизма. Выдающимся продолжателем дела Курсави стал знаменитый теолог, философ, историк, религиозный реформатор и просветитель Ш. Марджани (1818-1889). Его реформаторская, научная и общественная деятельность открыла дорогу просветительству, распространению среди

¹ Ислам на европейском Востоке... - С. 112.

² Очерки Марджани о восточных народах. – Казань, 2003. - С. 74.

³ Там же. – С.56.

⁴ Курсави Абу-н-Наср. Наставление людей на путь истины. (ал-Иршад ли-л-ибад). – Казань, 2005. – С. 133.

российских мусульман научных знаний в их европейском понимании. Памятуя печальный опыт Курсави¹, Марджани не решился объявить себя муджтахидом, однако и не хотел оставаться «слепым подражателем». По мнению Д. Валиди, он предпочёл стать «мустедлилем (т.е. требующим во всех случаях доказательств), который не создаёт отдельного направления или учения шариата, но может иметь своё самостоятельное мнение по тем или иным вопросам фикха, опираясь при этом непосредственно на Коран и на хадисы»².

Марджани дал определение иджтихада и определил условия его применения. По его мнению тот, кто в совершенстве овладел знанием источников и умением их анализа, «является способным на иджтихад, и ему должно поступать посредством своего иджтихада и не допускается следовать (таклид) кому-то другому»³. Богословские, религиозно-правовые взгляды Марджани вызвали неоднозначную реакцию в среде улемов и навлекли на него резкую критику традиционалистов (кадимистов). Как и Курсави Марджани оказал огромное влияние на развитие творческой мысли всего последующего поколения. Опираясь на выводы Марджани, его ученик Х. Фаизханов (1828-1866) высказался за реформу фикха. Он предложил определить общепринятый механизм реализации новаций: «Когда мы встречаемся с каким-либо новым явлением, то необходимо, чтобы в фикхе были разработаны правила сравнения различных проблем и вопросов для получения правильного результата; каждый ученый должен это знать, фикх в наши дни из этого и состоит»⁴.

Обращает внимание то, что большинство отечественных реформаторов ограничивали действие иджтихада, не распространяя его на предписания, основанные на ясных положениях Корана и сунны, применяя иджтихад лишь в отношении сюжетов по общему признанию спорных и неоднозначных (аятов кои «скрыты в толковании своём»)⁵, а также в случаях, не определённых традицией. Фикх (юриспруденция), оставаясь частью шариата постепенно приобретает определённую самостоятельность, противопоставляясь ему в качестве способа конкретизации общественных норм. Несмотря на многочисленные, но во многом ритуальные оговорки в отноше-

¹ Курсави чудом избежал казни, к которой он был приговорён бухарским эмиром по обвинению в ереси.

² Валиди Д. Очерк истории образованности и литературы татар (до революции 1917 г.). – М.- П., 1923. – С. 37.

³ Марджани Ш. Зрелая мудрость в разьяснении догматов ан-Насафи (ал-Хикма ал-балига). – Казань, 2008. – С. 356.

⁴ Хусаин Фаизханов. Жизнь и наследие: историко-документальный сборник. – Н. Новгород, 2008 - С. 44.

⁵ Коран (3:7) / Перевод смыслов и комментарии В.М. Пороховой. – М., 2000. – С. 75.

нии незыблемости религиозных основ, учения ранних реформаторов прокладывали дорогу для секуляризации правовой культуры мусульманского общества.

Религиозно-реформаторские идеи приобрели широкую популярность не только в России, но и на всём мусульманском Востоке. Во второй половине XIX в. большой авторитет среди российских мусульман приобретает каирский университет аль-Азхар, ставший под влиянием муфтия М. Абдо (1849-1905) настоящим центром восточного модернизма. Он придерживался идеи иджтихада, выступал за реформу фикха и судопроизводства, «придавая особое значение принципам маслаха (понимаемого как общее благо, народный интерес) и талфика (синтеза суждений из четырёх толков – мазхабов)»¹. В реформированные школы на Ближний Восток потянулись шакирды (студенты) из России. Здесь они могли ознакомиться с трудами турецких конституционалистов и результатами проводимой там правовой реформы. В 1869–1877 гг. в Османской империи светской властью был принят Маджаллат - крупнейший кодифицированный свод норм мусульманского права. В этот законодательный акт, игравший роль гражданского и процессуального кодексов, вошли положения, разработанные на основе иджтихада. Теперь в Турции кадии при разборе дел, отмечал Ш.М. Ишаев (сотрудник консульства в Джидде), руководствуются «особыми уставами, составленными турецким правительством на основании шариатских постановлений; уставы эти носят название «Дастур» и изложены в виде отдельных статей, как наши русские, или вообще европейские своды законов. Статьи «Дастура» изменяются и дополняются согласно требованиям практической жизни и современности, следовательно, не представляют собой таких неподвижных, неизменяемых постановлений, как шариат»².

Постепенно движение за религиозно-правовую реформу вырвалось из узкой среды улемов - за грань чисто теологических проблем, приобретая с каждым годом всё более широкое общественно-политическое звучание. Инициатива постепенно перешла в руки европейски ориентированных публицистов³, которые, призывая к реформе мусульманского права, уже открыто апеллировали к европейским консти-

¹ Ислам на европейском Востоке... - С. 5. Важным решением стала фетва Абдо, разрешающая мусульманам делать вклады в банках и получать с них проценты, (что способствовало развитию предпринимательства среди мусульман).

² Ишаев Ш. Мекка, священный город мусульман // Среднеазиатский вестник. – 1896. – декабрь. – С. 63.

³ И. Гаспринский, А. Девлет-Кильдеев, Мурза Алим, А. Баязитов, С.Г. Султанов и др.

туционными нормам⁴. Во второй половине XIX в. наметился качественный перелом в умонастроении отечественных мусульман. Накопленный потенциал инноваций, давление процессов модернизации в странах мусульманского Востока способствовали прогрессивным сдвигам в области правовой культуры мусульман. Показателем восприятия европейской правовой системы стало создание в ряде регионов с мусульманским населением (Казанской, Нижегородской, Таврической, Уфимской губерний) земского управления, введение суда присяжных и других представительных учреждений. Не случайно, свои призывы к обучению русского языка Х. Фаизханов прежде всего аргументировал насущной необходимостью знания государственных законов, «чтобы понимать все запреты и предписания местных властей, чтобы добиваться справедливости в судах. Также понимать и пользоваться теми новшествами, которые вводятся государством для облегчения жизни народа»². И. Гаспринский в работе «Русское мусульманство» (1881), ставшей программным документом мусульманских реформаторов, соответственно высказался за обязательное присутствие в судах переводчиков³.

Начиная с 80-х годов XIX в., высказываются осторожные предложения о введении общих принципов управления и судопроизводства в колониальных окраинах империи (Сибири, Кавказе, Туркестане). Например, журнал «Вестник Европы» приводит «Письма из провинции» (Тифлис, 1883), где обосновывается необходимость реализации судебной реформы на Кавказе⁴. Подобные суждения относятся и к Среднеазиатскому региону. Анализ Положений об управлении Туркестанским краем выявляет постепенное сокращение компетенции народных судов. Данный процесс отражает не только стремление колониальной администрации к унификации, но и общую тенденцию модернизации, охватившей весь мусульманский мир. Стремление к правовой реформе породило даже представления, как о «реформированном шариате», так и о «новом адате»⁵. Журнал «Среднеазиатский вестник» (1896) выступил за упразднение народных судов и введение судов на общих основаниях⁶. (Однако, рос-

¹ Например, см.: Ахундов М.Ф. Избранные философские произведения. – Баку, 1982. – С. 192.

² Хусаин Фаизханов. Жизнь и наследие... – С. 46-47.

³ Исмаил Бей Гапринский. Россия и Восток. – Казань, 1993. – С. 57.

⁴ Г. Т-нов. Письма из провинции // Вестник Европы. – 1883. – Т.IV. – Кн. 7 (июль). – С. 385.

⁵ Шкапский Ор. Положение женщины у кочевников Средней Азии // Среднеазиатский вестник. – 1896. – июнь. – С. 10.

⁶ Местное обозрение. Народные суды в Средней Азии // Среднеазиатский вестник. – 1896. – декабрь. – С. 130.

сийская колониальная администрация проявила достаточную осторожность, чтобы опрометчиво форсировать этот процесс.)

Наиболее ярким и последовательным идеологом правовой реформы в начале XX в. выступил выдающийся теолог М. Бигиев (1875-1949). Признавая совершенство шариата, он вместе с тем выступал за иджтихад, реформу фикха и судопроизводства. В работе «Мой взгляд на исламский Шариат» Бигиев писал: «школы фикха, основанные с целью упорядочения бытия людей во всех его проявлениях не могут быть ни вечными, ни всеохватными. Поэтому решение, которое было верным в определённое время, для определённой ситуации и для определённых людей не всегда обязательно верно для событий и людей в более поздние века»¹. Бигиев, непосредственно занимавшийся у Абдо, также придерживался принципов талфика и маслаха. Необходимость синтеза мазхабов он аргументировал приоритетом общественного интереса. «Если решение одного из мазхабов по какому-либо вопросу ставит вас в трудное положение, - наставлял реформатор, - то мы, несомненно, должны отвергнуть это решение. Фанатичное следование установлениям, которые могут нанести урон тем или иным аспектам нашего общественного состояния, конечно же, является грехом»².

Соответственно Бигиев осторожно смещал акценты правообразования в сторону иджмы. Исходя из того, что необходимо «принимать во внимание в качестве законопроизводных доказательств исторический опыт, жизненный опыт, доводы разума, потребности, нужды общества, требования времени»³, он утверждал, что именно умме принадлежит право на иджтихад и законотворчество⁴, ибо «иджма уммы – непорочна. Верный путь, истина и богоугодность не могут быть вне консенсуса уммы»⁵. В отношении судопроизводства Бигиев, решительно выступил за осуждение института шейхульисламства. «Мусульманский институт шейхульисламства, - писал он, - в лице всех его сотрудников явился средством или лидером всех поро-

¹ Наследие Муса Джаруллаха Бигиева. Сборник документов и материалов. Ч. II. – Казань, 2000. – С. 82.

² Там же. – С. 82.

³ Там же. – С. 40.

⁴ Там же. – С. 37.

⁵ Там же. – С. 36. Впрочем, и в отношении иджмы уммы Бигиев предостерегал, что «в силу переменчивости времени, места и возникающих в связи с этим различий, она никогда не может обладать качеством вечного установления». См.: там же. – С. 41.

ков», «во всех малых и больших изменах и пороках, первую роль играли шейхуль-сламы, армия шариатских судей и служителей культа»⁶.

Таким образом, идеи мусульманских модернистов подготовили духовно-интеллектуальные предпосылки для обновления правовой культуры российских мусульман и восприятия стандартов европейской правовой системы. К сожалению, процесс модернизации мусульманской правовой системы, начавшийся в XIX в., не получил дальнейшего развития. В советский период сфера действия мусульманского права была практически полностью свёрнута или поставлена в рамки полуполюгального существования. Очевидно, что административный нажим в направлении государственной унификации привёл к последующим эксцессам и вспышкам традиционализма, возрождению архаичных форм шариата. Однако изучение реформаторских традиций XIX – XX вв. способно представить бесценный опыт для дальнейшего развития мусульманского права на современном этапе.

Литература

1. Аверроэс (Ибн Рушд). Опровержение опровержения. – Киев: «УЦИММ-Пресс», СПб: «Алтейя», 1999. – 683 с.
2. Ахундов М.Ф. Избранные философские произведения. – Баку: Азернешр, 1982. – 340 с.
3. Валиди Дж. Очерк истории образованности и литературы татар (до революции 1917 г.). – М.- П.: Гос-е изд-во, 1923. – 106 с.
4. Г. Т-нов. Письма из провинции (Тифлис) // Вестник Европы. – 1883. – Т.IV. - Кн.7 (июль). – С. 379-389.
5. Ислам на европейском Востоке: Энциклопедический словарь. – Казань: Магариф, 2004. – 383 с.
6. Ислам: Энциклопедический словарь. – М.: Наука, 1991. – 315 с.
7. Исмаил Бей Гапринский. Россия и Восток. – Казань: Тат.книж.изд-во, 1993. – 130 с.
8. Ишаев Ш. Мекка, священный город мусульман // Среднеазиатский вестник. – 1896. – декабрь. – С. 60-81.

⁶ Там же. – С. 56,58.

9. Коран / Перевод смыслов и комментарии В.М. Пороховой. – М.: «Аванта+», 2000. – 784 с.
10. Курсави Абу-н-Наср. Наставление людей на путь истины (ал-Иршад ли-л-ибад). – Казань: Татар. кн. изд-во, 2005. – 304 с.
11. Марджани Ш. Зрелая мудрость в разъяснении догматов ан-Насафи (ал-Хикма ал-балига) / Шигабутдин Марджани; предисл. и пер. с араб. Д. Шагавиева. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2008. – 479 с.
12. Местное обозрение. Народные суды в Средней Азии // Среднеазиатский вестник. – 1896. – декабрь. – С. 121-131.
13. Наследие Муса Джаруллаха Бигиева. Сборник документов и материалов. Ч. II. / Составитель, автор предисловия Хайрутдинов А.Г. – Казань: Иман, 2000. – 90 с.
14. Очерки Марджани о восточных народах. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2003. – 174 с.
15. Свод Законов Российской Империи. В пяти книгах. Книга первая. Томы I-III. Т. II. – СПб.: Русское Книжное Товарищество «Деятель», 1912. – 737 с.
16. Торнау Н.Е. Особенности мусульманского права. – СПб., 1892. – 87 с.
17. Хусаин Фаизханов. Жизнь и наследие: историко-документальный сборник. - Нижний Новгород: ИД «Медина», 2008. – 152 с.
18. Шкапский Ор. Положение женщины у кочевников Средней Азии // Среднеазиатский вестник. – 1896. – июнь. – С. 1-19.